

ОТ «ДИКОСТИ» К «ДРУГОМУ»: К ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА СИБИРИ И СЕВЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НИКОЛАЙ ВАХТИН

Исследователи, занимающиеся «североведением» (оно же Arctic Social Sciences), с некоторым опозданием по сравнению с антропологами, работающими на других широтах, осознали, что их объектом являются далеко не только «дикие», «нецивилизованные» и «удаленные от центра» народы — все слова в жирных кавычках! — но люди вообще. Применительно к Сибири и Северу мы все чаще слышим, что следует изучать не только классический этнографический объект — коренные народы, но и остальное население.

Семь лет назад один из ведущих британских антропологов профессор Тим Инголд выступил с докладом под названием «Манифест антропологии Севера», в котором призвал коллег не ограничивать свой объект только коренным населением региона, а изучать все население в его отношении к окружающей среде, территории и формированию коллективных и индивидуальных идентичностей [Ingold].

За год до этого в журнале “Sibirica” вышел обзор результатов международного круглого стола в Институте Макса Планка в Халле (Германия), авторы которого писали следующее:

Эта мысль — что социальная антропология Сибири не должна ограничиваться коренным населением, что и другие категории населения должны стать объектом исследования, что и городское население Сибири должно стать объектом социально-антропологического исследования не в меньшей степени, чем сельское или кочевое оленеводческое население — эта мысль проходила красной нитью через большинство дискуссий [Gray, Vakhtin, Schweitzer: 204].

Эта мысль может показаться самоочевидной, однако, как пишет автор одного из недавно вышедших социально-антропологических исследований о современной Чукотке, в социальных исследованиях постсоветского Севера, это не так: некоренному населению антропологи все еще уделяют недостаточно внимания [Thompson: 8].

Посмотрим с этой точки зрения на Сибирь, точнее — на образ Сибири и сибиряков, на те представления и ассоциации, которые эти понятия вызывают в сознании носителей современного русского языка.

Эта тема не нова. О семантике образа Сибири писали многие — см. прежде всего одну из первых работ на эту тему [Азадовский]; из более новых публикаций см. предисловие к сборнику “Between Heaven and Hell: The myth of Siberia in Russian culture” [Diment, Slezkine], а также некоторые статьи этого сборника, прежде всего [Gibson]. Этой теме посвящена диссертация Н. Н. Родигиной (см.: [Родигина 2006]; см. также [Родигина б.д.]). Ср. также недавнюю работу [Гудкова], написанную на материале классической русской литературы; статью Олега Николаева [Николаев], материалом которой послужили «народные» песни; а также несколько Интернет-публикаций [Эртнер; Фукс] и др.

Большинство работ на эту тему опирается на анализ литературных текстов. Однако с появлением Национального корпуса русского языка исследования по исторической семантике, по истории понятий на русском материале получили огромный легкодоступный круг источников. Объем Корпуса постоянно растет — сегодня он охватывает более 175 миллионов слов. Корпус сделан очень удобно для пользователя и позволяет в короткий срок собрать и проанализировать самые разные контексты употребления любого слова русского языка. Все мои дальнейшие рассуждения о семантике слов *Сибирь*, *сибирский*, *сибиряки* основываются на материалах этого Корпуса.

Начнем со словоупотреблений, современных описанной выше научной парадигме, т.е. материалов конца XVIII – начала XX вв.

Здесь необходимо сделать одно предварительное замечание. При анализе развития значений слова через Корпус исследователь замечает интересную особенность — не знаю, характерна ли она только для рассматриваемых слов, или это свойственно некоторым словам, или — что вероятнее — это вообще универсальная характеристика языка как хранилища знания. С течением времени у слова могут довольно быстро появляться новые значения, новые ассоциации, которые фиксируются в Корпусе в новых контекстах, однако старые значения и ассоциации либо не пропадают вовсе, либо пропадают существенно медленнее. Слово не меняет значение, а добавляет, *наслаивает* новые значения на старые, становясь все более нагруженным различными ассоциациями. Если в конце XVIII в. у слов *Сибирь*, *сибирский*, *сибиряки* мы находим некий определенный набор ассоциаций, то в конце XX в. их будут окружать не только те новые ассоциации, которые «наросли» на протяжении двухсот лет, но и прежние значения и ассоциации. С течением времени некоторые «старые» значения могут, конечно, исчезнуть, однако это процесс явно нелинейный: старые значения и ассоциации сохраняются у слова довольно долгое время, образуя наряду с новыми сложный и далеко не всегда логичный клубок семантических ассоциаций. Этим объясняется некоторая нестрогость хронологии приводимых ниже цитат.

В XVI в. словом **сибиряк** обозначали сибирских туземцев, тех противников, с которыми приходилось воевать. Этих материалов в Корпусе нет, однако об этом можно судить по словоупотреблению в исторических текстах: так, историк Костомаров (1862), описывая завоевание Сибири, пишет: «...казаки выстрелами разогнали другую толпу **сибиряков** и взяли в плен предводителя их...»; и далее: «Казаки увидели против себя такое множество врагов, что приходилось тридцать **сибиряков** на одного казака...». (Однако у него же, в 1852 г., уже встречается и сочетание **русские сибиряки** — см. ниже.)

Самые первые упоминания слов *Сибирь*, *сибирский*, *сибиряки* в Корпусе — это цитаты из указов Петра I и из авторов XVIII в. Слово *Сибирь* употребляется здесь в основном как

географическое название, просто как название «страны»; слово *сибирский* сочетается со словами *хан, царство, народы, губернатор, история, география, деревня*. К концу XVIII в. появляются предметы, происходящие из этой новой страны — *сибирская яшма, сибирские самоцветы, сибирские меха, сибирская язва*.

В этот период Сибирь — это сравнительно новая территория, присоединенная другая страна, со своей географией, флорой и фауной, со своим населением. Страна, состоящая из «...неосвоенных в когнитивном, цивилизационном и образном отношениях пространств» [Замятин]. Страна дикая, нуждающаяся в цивилизаторских усилиях новых хозяев, населенная в основном дикарями. Страна с тяжелыми условиями жизни, пребывание в которой может быть либо вынужденным, либо, если оно добровольное, то причина этого — возможность быстро сделать себе состояние, разбогатеть.

Сибирь устойчиво ассоциируется со словом «ссылка»¹:

... кабы я был большим боярином, так **управил** бы его в **Сибирь**... (Новиков, 1775)²;

...спешу отправить его **в ссылку** на вечное житье в дальнейший **Сибири** край и весьма в худое место... (Шаховской, 1766);

Он пал при начале войны прусской, лишен был всех чинов и достоинств и сослан **в ссылку в Сибирь**... (Болотов, 1800).

Эти ассоциации устойчивы до сих пор, и фиксируются в словарях и лексикографических статьях, ср.:

...отметим нежелательность использования для называния коммерческих предприятий собственных *имен с пейоративной коннотацией* <курсив мой. — Н. В.>. Так, неудачно название магазина косметики Сибирь, поскольку лексема «Сибирь» сохраняет значение «тяжелая работа, каторжный труд» [Долганова].

¹ Во всех цитатах из Корпуса выделено мною.

² Фамилия автора и год в круглых скобках — это не ссылки на конкретные издания, а отсылки к Корпусу: цитата принадлежит данному автору и ориентировочно датируется указанным годом.

При этом в Сибирь, повторяю, можно поехать и добровольно, но обычно — ненадолго и с целью разбогатеть. В пьесе Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1781) один из персонажей (Стародум) говорит о Сибири: «...решил я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая <...> платит одни труды верно и щедро» (д. 3, явл. 2).

Вообще,

...**сибиряки**-старожилы, вообще, как народ свободный, **богатый** и независимый... (Беляев, 1880);

...**сибиряки** народ богатый... (Шишков, 1932).

Сочетаний со словами *дикий*, *дикость* — тоже довольно много: в Сибири *дикая природа*, она населена *диким народом*, живущим на ее *диких пространствах*, исполненных *дикой красоты*, ср.:

...Вы только что из **дикой Сибири**. Ах, расскажите, как вы провели там прошлое Рождество? (Коллекция анекдотов: апокрифы о различных персонажах [1970–2000]);

Характеристическое достоинство этого уложения состоит в том, что в нем не забыты нужды и отношения всех сословий народа — от **диких инородцев**, коренных жителей **Сибири**, до богатых граждан и чиновников (Ф. В. Булгарин. Воспоминания [1846–1849]);

Их ждут Олекминск, Верхоянск, Нижнеколымск и улусы, заброшенные в самые **дикие** и непригодные для жизни **места Сибири**. (Народная воля. Социально-революционное обозрение. №№ 8–9 // Народная воля. № 8–9, 1882);

В последние десятилетия он <русский мужик. — *Н. В.*> усиленно принялся заселять **дикие пространства Сибири** (Ф. Сологуб. Публицистика разных лет [1904–1918]);

...**дикие красоты** Сибири (Павел Нилин. Интересная жизнь [1969–1980]);

...экстремальные приключения эстонского любителя **дикой природы** в **сибирской** тайге (Н. Сиривя. Мухи отдельно, котлеты отдельно (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30).

Более или менее к тем же выводам приходят все авторы, анализировавшие слова *Сибирь*, *сибирский*. Так, Олег Николаев в известной статье [Николаев] пишет о текстах «сибирских» песен («По диким степям Забайкалья...», «Бродяга Байкал переехал...»), что они «(вернее, исполнительский подбор вспомнившихся куплетов) воплощают *семантический комплекс Сибири: дикость, первозданность природы — бродяжничество (бегство с каторги) — несметные богатства (золотоискательство) — сиротство — проклятье судьбы*» <курсив мой. — Н. В.>.

Очевидно, что, как только в России появилась этнография, она сразу обратила внимание на Сибирь: население Сибири оказалось для этнографии идеальным объектом. Народы Сибири были непохожи на «нас», никогда не контактировали с европейской цивилизацией, жили очень далеко, в диких и труднодоступных местах, да и сами были достаточно дикими, чтобы быть достойными описания...

Закончу этот раздел цитатой из знаменитой книги Юрия Слезкина, который пишет, говоря о «циркумполярных охотниках и собирателях»:

From the birth of the irrational *savage* in the early eighteenth century to the repeated resurrection of *the natural man* at the end of the twentieth, they have been the most consistent antipodes of whatever is meant to be Russian. Seen as an extreme case of backwardness-as-beastliness or backwardness-as-innocence, they have provided a remote but crucial point of reference for speculations on human and Russian identity... [Slezkine: IX; курсив мой. — Н. В.].

* * *

Параллельно в семантике слов, связанных с Сибирью, начинают происходить изменения. В конце XVIII – начале XIX в. слово **сибиряк** начинает использоваться применительно к русским, в значении **сибирский уроженец**: если верить Корпусу,

первое такое употребление — автобиография Долгорукова (1788).

Тогда же, видимо, начинает формироваться и стереотип этого «сибирского племени»:

Вообще сибирское племя **здоровое, рослое, умное** и чрезвычайно **положительное** (Герцен, 1854).

Уже у Радищева находим контексты, свидетельствующие о том, что сибирские жители, сибиряки (уже не коренное население, а русские, родившиеся в Сибири) в сознании жителей Европейской России — это некое особое племя, со своими обычаями, особым характером и манерой поведения, со своим особым языком. Им, как и другим жителям империи, присущи некоторые черты, быстро становящиеся стереотипными, и «сибиряки» перечисляются через запятую с жителями других частей Империи, ср.:

Европейское просвещение Петербурга; не вовсе чуждое тщеславия хлебосольство наших великороссийских дворян; **простодушное гостеприимство добрых сибиряков**; ловкость и досужество удалых ярославцев, костромитян и володимирцев... (Загоскин, 1842);

Все мужики великой и малой Руси, суровые олончане и архангельцы, **крепкие сибиряки**, пылкие кавказцы, расчетливая Литва... (Яковлев, 1922).

Какие это черты?

Примечания достойно, что ныне сибиряки не столь становятся **гостеприимны** (Радищев, 1797);

Он принял от кучера две бутылки, поставил их на стулья и вошел в комнату **своеобразно, свободно, с шиком, свойственным сибирякам** (Гончаров 1855);

Хозяева, **простые крестьяне-сибиряки**, очень **радушно** нас приняли...; ...сибиряки-старожила, вообще, как народ **свободный, богатый и независимый**, весьма **горды**, и малейшая обида и угроза их возмущает... (Беляев, 1880).

Откуда эти черты взялись — современникам понятно. Современники знали, что каждый народ имеет свой характер или народный дух и что характер народа формирует история, география и климат, а все это в Сибири — особое. Сочетания **сибирские холода, сибирская глушь, сибирская скука** появляются как устойчивые и всем понятные в середине XIX в., и это не может не накладывать особого отпечатка на «сибирский характер»³. Кроме того, в Сибири никогда не было крепостного права, всегда была вожделенная свобода:

...благоденствию [Сибири] много способствовали страшный простор, девственная почва, огромные леса, бесчисленные стада крупного и мелкого скота, табуны лошадей, но все же **свобода** сибиряков, никогда не знавших крепостного права, **свободный труд** более всего способствовали их процветанию (Беляев, 1880);

Это был высокий, худощавый, крепкого сложения господин с самым простым выражением в лице, на котором, однако ж, нельзя было не заметить свойства **умных** сибиряков — некоторой дозы **хитрости** (Беляев, 1880);

За одним столиком сидели сибиряки, перед ними стояло с полдюжины порожних белоголовых бутылок, а на других столах более виднелись скромные бутылки с пивом... (Мельников-Печерский, 1875);

Недаром славятся сибиряки своей **смышленостью** и **промышленным характером** (Мельников-Печерский, 1875);

...типичный русский склад, хотя и с заметным оттенком той **храбрости** и «себе на уме», чем особенно отличаются все коренные **сибиряки-промышленники** (Мамин-Сибиряк, 1884);

Известно, сибиряки **отчаянные**, удержу в них нет (Мамин-Сибиряк, 1896);

³ Это словосочетание — расхожий журналистский штамп, который используется сегодня в отношении всяких героев: военных, спортсменов, вообще людей, чего-то достигших, и даже в отношении породистых «сибирских» кошек — ср. <http://zoolife.com.ua/reviews50.html>.

...многие сибиряки, как я не разубеждался горьким опытом, **немножко гасконцы** <то есть безоглядные патриоты. — Н. В.>, чуть дело идет об их родине... (Станюкович, 1886).

Иными словами, сибиряки богаты, умны, хитроваты, предприимчивы, свободны и независимы, радушны, гостеприимны, просты и открыты, патриоты своей страны — то есть всем, ну, буквально всем отличаются от русских. Даже их язык отличается от привычного нам:

Сибиряки подметили некоторые общие черты в различных наречиях инородцев и из них составили особый сибирский жаргон (Ювачев, 1900);

Серое утро, небо в слоистых облаках, **сибиряки** говорят «морозно!» (Козлов, 1926).

После революции 1917 г. образ сибиряка медленно меняется. Теперь сибиряки — уже не **предприимчивые** и **хитроватые**, а скорее **солидные**, **крепкие**, **молчаливые**, **медлительные**, но **вспыльчивые** и по-прежнему **свободолюбивые**:

...Какие крепкие **сибиряки**! Главе семьи 61 год, и он хоть бы что... (Ильф и Петров, 1927);

...огромная **физическая** сила сибиряка была большим достоинством, — он свободно мог сгрести в охапку и придушить, если понадобится, даже двоих (Казакевич, 1946);

По возвращении в Петербург мы заметили, что стали «**сибиряками**», многое повидали и переросли своих сверстников-петербуржцев (Игнатъев, 1947);

...**сибиряки** к нежностям не приучены... (Астафьев, 1974);

И молчал он так, как могут молчать только **сибиряки**, — привычно, длинно, отчужденно... (Липатов, 1967);

Оба, по-видимому, **сибиряки**, крайне медлительные и крайне молчаливые... (Маканин, 1988);

...**сибиряки** — спокойные люди со здоровыми нервами... (Львов, 1981);

...яростные характером **сибиряки** с досады хряпали ценную посудину оземь... (Астафьев, 1999);

Пожалуй, так, как тюрьмы ненавидят **сибиряки**, их не ненавидит никто (Евтушенко, 1999).

Очевидно, этими изменениями образ сибиряка обязан войне, в частности — известному мифу о сибиряках, которые спасли Москву. Корпус полон цитатами, прославляющими военные доблести сибиряков: они — идеальные солдаты, мужественные и стойкие, рослые и сильные, их невозможно обратить в бегство, потому что у себя в Сибири они и не такое видали. Вот характерная цитата — интересная еще и потому, что автор передает разговор детей:

— А под Москвой **сибиряки** немцев причесали, — говорит Сашка. — **Сибиряки** все одного роста, — говорю я, — метр восемьдесят. И когда шли **сибиряки**, немцы катились на запад без остановки. Я знаю. Потому что **сибиряки** стояли насмерть. Они все охотники, медвежатники (Окуджава, 1960).

Об этом же говорил и бывший президент России, вообще чрезвычайно чуткий ко всякого рода стереотипам:

Владимир Путин на вопрос: «Какие у Вас вызывает ассоциации Сибирь?» — сказал следующее: «Был старый фильм, к сожалению, я уже не помню его названия, где немецкий генерал рассказывает своему коллеге о причинах поражения под Москвой. Как мы помним из истории, в самый критический момент обороны Москвы подошли сибирские части. Так вот этот генерал говорит своему товарищу: “Представляешь: на улице минус 40 градусов, а они — без перчаток”. Дело, конечно, не в **морозостойкости** людей, которые живут на этой территории. Дело в том, что мы называем “сибирским характером”. Ведь есть устойчивое выражение в России — “сибирский характер”, с **положительным зарядом**. Когда мы говорим “сибирский характер”, мы подразумеваем явно позитивное. Это человек, который **имеет свои убеждения, не боится открыто их высказывать** и бороться за них, причем не агрессивным образом. Человек, который руководствуется в жизни **неиспорченными, на мой взгляд, представлениями о добре, зле, о честности, порядочности**. Поэтому для меня Сибирь — это прежде всего сибиряки» (Путин В. В. Эксклюзив-

ное интервью корреспондентам сибирских телекоммуникаций. 29 августа 2002 г., г. Междуреченск, Кемеровская область).

Они, сибиряки, вообще не совсем люди — например, они способны выпить огромное количество алкоголя:

...дикое [состояние], какое принимают **сибиряки** после 12–20 рюмок водки, стольких же рюмок разных вин и в придачу бутылку целиком шампанского... (Ильф и Петров, 1927).

У них несколько странные обычаи:

У **сибиряков** баня — первое средство от всех болезней, даже от тоски (Нилин, 1940).

И вообще они, несомненно, другие («Другие»): это, собственно, отдельный, непохожий на русских народ:

...москвичи, ленинградцы, киевляне, **сибиряки** и одесситы... (Ильф и Петров, 1927);

Хотя калмыки, башкирцы и казаки сразу же передались Хлопуше, **сибиряки и поляки** сражались стойко, почему и второй штурм оказался безуспешным (Шишков, 1939).

А вот современная цитата:

Он весь оттуда — из Сибири, этой уникальной смеси захолустья и мессианства, удаленности и остро понимаемой самости (Пашутин, 2008).

Даже живя в русских городах, они остаются сибиряками:

Неизменными посетителями этого трактира были все **московские сибиряки** (Гиляровский, 1934).

При этом нормальный человек в Сибири жить не может:

Знаю, что и в **Сибири** можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно, но веселый климат делает нас веселее, а в грусти и в меланхолии здесь скорее, нежели где-нибудь, захочется застрелиться (Карамзин, 1793);

Она увяла, как должен был увянуть цветок полуденных стран на **сибирском** снегу (Герцен, 1853).

Иными словами, сибиряки, несомненно, не русские — о чем современные исследователи пишут совершенно четко:

Со второй половины XVII в. и в течение всего XVIII века в сознании потомственных <сибирских. — *Н. В.*> старожилов... Родной становится суровая «Матушка-Сибирь». Поэтому «сибиряк»... отражал и степень принадлежности к сибирской земле, и одновременно степень приспособления к сибирским факторам. В сознании сибиряков появилось два пространства — Россия и Сибирь⁴.

* * *

Происходит, таким образом, два параллельных процесса. С одной стороны, меняется представление сибирской социальной антропологии о своем объекте. С другой стороны, меняется и сам образ «сибиряков». Антропология уже не занимается «дикими и наивными сибирскими дикарями» — но и сибиряки нынче не те «симпатичные туземцы», которыми они были когда-то в русском языке. Антропология, в отличие от социологии, по-прежнему подчеркнуто занимается «другими», но и сибиряки — по-прежнему «другие», хотя и не в том смысле, в каком они были «другими» 100 или 200 лет назад.

Не думаю, что следует пытаться установить между этими двумя процессами причинно-следственные связи, однако сам этот параллелизм мне кажется интересным: как бы ни воспринимались жители Сибири, какой бы стереотипный образ их ни возникал в русском языке и в сознании его носителей — они все равно остаются «идеальным объектом» для социально-антропологических исследований.

⁴ Дроздов Н. В. Письмо автору статьи от 12 апреля 2010 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский: *Азадовский М. К.* Поэтика «гиблого места» // Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947. Вып. 1.
- Гудкова: *Гудкова Е. Ф.* Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII–XIX вв. [Иркутск, ГОУ ВПО «ИГПУ»]
[http:// guuu7.narod.ru/HS.htm](http://guuu7.narod.ru/HS.htm)
- Долганова: *Долганова А. Ю.* Процессы трансимизации в эргонимии (на материале названий магазинов Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. Филологич. науки. 2006. № 5 (2).
- Елачич: *Елачич Е.* Крайний Север как родина человечества. СПб., 1910.
- Замятин: *Замятин Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90. http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiу/4966-dmitrij-zamyatin-geokratiya-evraziya-kak-obraz-simvol-i-proekt-rossijskoj-civilizacii.html
- Николаев: *Николаев О.* Новый год: праздник или ожидание праздника? // Отечественные записки. 2003. № 1.
- Потебня: *Потебня А. А.* Язык и народность // Эстетика и поэтика. М., 1976 [1862].
- Родигина 2006: *Родигина Н. Н.* Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: Дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 2006.
- Родигина б.д.: *Родигина Н. Н.* Образ Сибири в массовом сознании россиян во второй половине XIX в.: К постановке проблемы. Интернет-публикация. <http://history.nsc.ru/kapital/project/modern/006.html#tn3>
- Трубецкой: *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995 [1923].
- Фукс: *Фукс Л. П.* Образ Сибири и российский культурный ландшафт // http://old.nsaem.ru/Science/Publications/Science_notes/Archive/2008/3/471.pdf
- Штернберг: *Штернберг Л. Я.* Этнография и социальная этика. [Рукопись лекции, прочитанной при открытии Института народов Севера. Около 1921 года] // Архив Российской Академии наук, СПб Филиал. Фонд 282. Опись 1. Ед. хр. 28.
- Эртнер: *Эртнер Е. Н.* Образ Сибири в русской литературе XIX века // <http://frgf.utmn.ru/last/No6/text16.htm>

- Burke: *Burke Peter*. Languages and Communities in Early Modern Europe. Cambridge, 2004.
- Diment, Slezkine: *Diment G., Slezkine Yu., eds.* Between Heaven and Hell: The myth of Siberia in Russian culture. New York, 1993.
- Gal: *Gal Susan*. Lexical innovation and loss: The use and value of restricted Hungarian // Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death / Ed. by Nancy Dorian. Cambridge, 1989.
- Gibson: *Gibson James R.* Paradoxical Perception of Siberia: Patrician and Plebeian Images up to the mid-1800s // Between Heaven and Hell: The myth of Siberia in Russian culture / Ed. G. Diment, Yu. Slezkine. New York, 1993.
- Gray, Vakhtin, Schweitzer: *Gray P., Vakhtin N., Schweitzer P.* Who owns Siberian ethnography? A critical assessment of a re-internationalized field // *Sibirica*. 2003. Vol. 3. № 2.
- Ingold: *Ingold Tim*. A Manifesto for the Anthropology of the North. Plenary Paper presented at 5th International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS V). Fairbanks, Alaska, 2004.
- Slezkine: *Slezkin Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Cornell University Press: Ithaca and London. 1994.
- Thompson: *Thompson N.* Settlers on the Edge: Identity and modernization on Russia's Arctic frontier. Vancouver; Toronto, 2008.
- Vakhtin: *Vakhtin Nikolai*. Franz Boas and the Shaping of the Jesup Research in Siberia // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / Ed. by Igor Krupnik & Bill Fitzhugh. Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution: Washington, 2001.